

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

в публикациях газеты
«Санкт-Петербургские ведомости»

Том I
ОТ РЮРИКА ДО РОМАНОВЫХ

Издательский дом «С.-Петербургские ведомости»
2019 год

Сергей Глезеров

**История Российского государства
в публикациях газеты «Санкт-
Петербургские ведомости». Том
I. От Рюрика до Романовых**

"Издательский дом "С.-Петербургские ведомости"

УДК 930.85
ББК 63.3.(2)4

Глезеров С. Е.

История Российского государства в публикациях газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Том I. От Рюрика до Романовых / С. Е. Глезеров — "Издательский дом "С.-Петербургские ведомости",

ISBN 978-5-6050514-3-5

Главная городская газета «Санкт-Петербургские ведомости» представляет книгу: "История Российского государства в публикациях газеты "Санкт-Петербургские ведомости". Том I. От Рюрика до Романовых" - научно-популярные диалоги и дискуссии об истории России, опубликованные на её страницах. В первом томе собраны наиболее интересные материалы о периоде с призвания варягов на Русь и до начала царствования Романовых. Авторы – академические учёные и исследователи (СПб институт истории РАН, СПбГУ, другие вузы и научные центры) опираются на документальные свидетельства без эмоций и фальсификаций. Книга интересна и полезна широкому кругу читателей, может служить учебным пособием для школьников, студентов, преподавателей и учёных-историков. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 930.85
ББК 63.3.(2)4

ISBN 978-5-6050514-3-5

© Глезеров С. Е.
© "Издательский дом "С.-Петербургские ведомости"

Содержание

Предисловие	6
Склонность к постоянству	7
Каша в голове – это неплохо	12
Прошлое как идеал	16
Вдохнуть душу в прошлое	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Сергей Евгеньевич Глезеров, Александр
Юрьевич Вертячих, Андрей Георгиевич
Румянцев, Валерия Вадимовна
Тумко, Ирина Леонтьевна Босенко,
Татьяна Борисовна Забозлаева
История Российского государства
в публикациях газеты «Санкт-
Петербургские ведомости»
Том I
От Рюрика до Романовых**

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© АНО «Социальные проекты „Санкт-Петербургских ведомостей“»

Предисловие

Главная городская газета, старейшее печатное издание России «Санкт-Петербургские ведомости», играет большую роль в просвещении и популяризации истории России. Это особенно важно сегодня, когда очевиден повышенный интерес к прошлому Отечества. Чтобы удовлетворить его, в 2013 году мы открыли на страницах газеты постоянную рубрику, так и назвав ее – «История».

Сегодня непростое время (а когда оно было простым?): история нашей страны служит ареной ожесточенных дискуссий. Как быть нормальному здравомыслящему читателю, где ему получить объективную картину истории Российского государства? Ему на помощь пришла наша газета и ее рубрика «История». Здесь авторы вне идеологических схваток, нет «фейков», есть непредвзятая позиция, в основе которой научное и уважительное обсуждение явлений и событий в истории нашей страны. Эксперты газеты «СПб ведомости» – люди разных воззрений, и всех объединяет одно: взвешенное отношение к изучению прошлого России, попытка разобраться в событиях со всех сторон, умение принимать во внимание различные аргументы. А главное – отталкиваться не от эмоций и интерпретаций, а от документальных свидетельств.

У рубрики «История» сложился свой формат, который отличается от обычной газетной публикации и ближе к журнальной форме. Это развернутые интервью, диалоги и дискуссии. Нашими собеседниками выступили ведущие представители академической исторической науки: сотрудники Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, других вузов и научных центров. Авторитетно заявляем: мнению этих исследователей мы доверяем. Отклики читателей свидетельствуют: полоса «История» стала востребованной, нужной, своевременной. Особенно приятно слышать отзывы, что без этого раздела уже трудно представить газету «Санкт-Петербургские ведомости».

Материалы полосы «История», опубликованные год, два, даже пять лет назад, не теряют своей актуальности. По многочисленным просьбам читателей мы собрали под книжной обложкой эти публикации, расположив их по хронологии исторических событий. Получился своего рода учебник. Он с успехом может быть использован школьными и вузовскими педагогами, старшеклассниками, студентами, аспирантами, представителями исторической науки. И, конечно же, всеми, кто неравнодушен к отечественной истории.

Первый том, который вы держите в руках, посвящен периоду от легендарного призвания варягов на Русь до начала царствования дома Романовых. Приятного чтения!

Генеральный директор ИД «С.-Петербургские ведомости»

Борис Гримбков

Склонность к постоянству

«Санкт-Петербургские ведомости» отличались ею на протяжении почти полутора веков

Сегодня – День российской печати. В нашей стране он отмечается с начала 1990-х годов, как официально указывалось, в память о «выходе первого номера российской газеты „Ведомости“ в январе 1703 года». Мы можем считать себя имеющими самое непосредственное отношение к этому событию, ведь прямым продолжателем газеты петровского времени стали именно «Санкт-Петербургские ведомости», которые выходили с 1727 года. Во многом они были пионером: первая русская регулярная газета, первый корпункт за границей, первая реклама... В сентябре нынешнего года исполнится ровно 25 лет с того времени, как нынешние «Санкт-Петербургские ведомости» были возобновлены на основе прекратившей свое существование «Ленинградской правды». О российских газетных традициях мы говорим с доцентом СПбГУ кандидатом филологических наук Еленой СОНИНОЙ.

– Елена Сергеевна, я не случайно процитировал полную формулировку постановления президиума Верховного Совета Российской Федерации от 28 декабря 1991 года об учреждении Дня российской печати. Насколько она корректна?

– Тут все не так просто. На самом деле 13 января 1703 года – дата не первого выхода номера петровских «Ведомостей», а первого сохранившегося выпуска этой газеты. В нем можно найти отсылки к предыдущим номерам. В действительности первый номер датирован 16 декабря 1702 года.

«Санкт-Петербургские ведомости», безусловно, подхватили эстафетную палочку от петровской газеты. Хотя бы потому, что у них были одни и те же источники информации, и среди важнейших – вскрытая частная переписка, причем порой весьма высокопоставленных персон – дипломатов, торговых представителей, официальных лиц. Почтовая цензура была делом обычным, все знали об этом и по возможности старались отправлять свою корреспонденцию с частной оказией. Неприкосновенной была только переписка императорских особ...

– Что же можно было найти в тех письмах, что могло заинтересовать газету? Неужели крамолу?

– Вовсе нет. Ничего крамольного даже и близко не могли напечатать. Из перлюстрированных писем в печать попадали сообщения о крупных товарных поставках, военные известия, дипломатические новости.

Другими источниками информации тогдашних «Ведомостей» были слухи, сплетни, а также сведения из европейских газет. Нелишним будет напомнить, что предтечей нашей журналистики была рукописная газета «Куранты», выходившая в XVII веке. Вот она как раз почти исключительно составлялась из переводов французских, немецких, английских, голландских периодических изданий. В них выискивали военные, торговые, дипломатические новости. Но если в «Курантах» про Россию не писали, то для петровских «Ведомостей» старались найти в зарубежных газетах информацию, связанную с нашей страной.

Было и принципиальное новшество: дьякам приказов, то есть тогдашним чиновникам, царь велел собирать для газеты новости, касавшиеся России. Но дьяки пытались всячески увиливать, поскольку за эту дополнительную работу им не доплачивали...

– А чем «Санкт-Петербургские ведомости» отличались от петровской газеты?

– Начнем с того, что если петровские «Ведомости» выходили как бог на душу положит, то «Санкт-Петербургские» сразу же, с первого номера (они издавались с 1727 года на немец-

ком языке), стали выпускаться регулярно – раз в неделю. С 1728 года, когда их стали печатать одновременно на немецком и русском, газета выходила по понедельникам и четвергам. Это были дни, когда почтовые тройки отвозили корреспонденцию в провинцию, и поэтому газетные пачки должны были подготовить к утру этого дня.

В качестве приложения к изданию стал выходить первый русский журнал. Кстати, парадокс: русская журналистика зародилась как газетная, а развивалась как журнальная. За весь XVIII век увидело свет около полутора сотен периодических изданий, из них всего три газеты (третьей в 1756 году стали «Московские ведомости»). Резкий рост газет начался только во времена Александра II. Ведь, чтобы их было много, должна быть читательская аудитория, привычка к чтению, оперативная добыча информации...

– Кто же был читателем «Санкт-Петербургских ведомостей» XVIII века?

– Аристократические и литературные круги Петербурга – но не оттого, что издание было очень интересным, а потому, что оно было единственным, причем на всю страну. Точно известно, что среди подписчиков были, например, Ганнибал и Сумароков.

С конца XVIII века была налажена обязательная подписка на газету, но шла она довольно туго. Подписаться должны были Сенат, Университет, Академия наук, государственные учреждения, по несколько штук газет отвозили потом и в каждую гимназию, чтобы юноши лучше «в географии и политике ориентировались».

Что же касается потребности в чтении газеты, то она вырабатывалась долго. Очень многие предпочитали использовать святцы, календари и прочее. Поэтому первый русский журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям» – коротко их называют просто «Примечаниями» – и был святцами, только с научно-популярной тематикой. Их можно было читать бесконечно, а газета все-таки устаревала, хотя от времени события до публикации о нем нередко проходило не меньше двух месяцев. Пока гонец донесет весть от Белого или Черного моря до столицы! Сейчас подобная «оперативность» может вызвать улыбку, но для того времени она была потрясающей...

Любопытно вот еще что. «Санкт-Петербургские ведомости», единственную русскую газету того времени, редактировал немец – Герхард Миллер, студент, приехавший к нам в Академию наук, а иностранный отдел в ней вел русский – Михаил Васильевич Ломоносов. Потом ученый стал редактором всей газеты, и Академия наук давала ему инструкцию «всяких умствований не позволять». Даже объявила выговор: мол, газета без должного почтения сообщила, что граф Иван Иванович Шувалов удостоен чина камер-пажа.

– Случались ли в ту пору газетные ляпы и ошибки?

– А как же без них! Однажды в конце XVIII века «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина наградили орденом Андрея Первозванного, чего на самом деле не было. Тогда Сенат потребовал, чтобы все номера печатались только с его «апробацией». Жанра опровержения еще не существовало. Причиной же этой ошибки стало использование недостоверной информации – проще говоря, слухов, которыми газета «кормилась» весь XVIII век...

– С советских времен помню непременно указание под титулом любого периодического издания: «орган...». А чьим рупором были газеты XVIII века?

– Петровские «Ведомости» изначально были правительственными. Они были основаны по инициативе Петра I, он лично уделял много внимания газете, являлся фактически ее первым редактором. Сохранились оттиски корректурных полос, где рукой царя написано «сей статьи в народ не пущать». Прежде всего «не пущали» информацию о неудачах русской армии в Северной войне. Дело понятное: зачем было предавать огласке нехорошие известия?

Принципиально важно: русская журналистика родилась как официальная пресса, призванная проводить правительственные идеи. Соответственно, в роли издателя выступало пра-

вительство, а редактор должен был отвечать его запросам. «Санкт-Петербургские ведомости» издавались Академией наук – государственным учреждением.

Первый номер «Санкт-Петербургских ведомостей». Из фондов РНБ

В начале XIX века «Ведомости» утрачивают свое первенство в правительственной прессе, поскольку главным официозом становится «Северная почта», а с конца 1860-х годов и до 1917 года – «Правительственный вестник». В то же время «Санкт-Петербургские ведомости» получили новое лицо, когда с 1840-х годов из-за их убыточности правительство стало

сдавать газету в аренду частным лицам. Кстати, к тому времени, с 1831 года, она уже была ежедневной.

– *Каким образом газета могла зарабатывать?*

– Прежде всего за счет рекламы. Сразу же с начала выхода «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1727 году в них стали печататься казенные и частные объявления. Причем частных было не очень много, а вот казенных – о подрядах, торговле, сбежавших крепостных и их продаже – с избытком. Классический пример: «Продаются огурцы лучшего соления и хороший кучер с женой». Кстати, первое театральное объявление вышло именно на полосах «Санкт-Петербургских ведомостей» – в 1727 году.

Сначала объявления печатались на внутренних полосах газеты, а когда их стало слишком много, стали выпускать специальное приложение – «Супплемент». Теперь по той рекламе можно читать историю Петербурга как открытую книгу...

Когда газету стали сдавать в аренду, ее арендаторы обязаны были отдавать определенную сумму (какую именно – неизвестно, это и тогда было финансовой тайной) правительству. Все, что зарабатывали сверх, забирали себе, поэтому были заинтересованы в развитии издания.

Оно действительно приносило доход. Финансист Федор Баймаков даже дал взятку 50 тысяч рублей чиновнику Министерства народного просвещения литератору Болеславу Маркевичу, чтобы добиться права быть арендатором газеты. Разразился скандал, чиновника уволили, лишили чина камергера, а Баймаков потом долго оправдывался, якобы он не взятку дал, а нанял этого чиновника в качестве журналиста и заплатил ему авансом гонорар. Но суть в другом: давая такую большую взятку, Баймаков, значит, полагал, что в случае редакторства сможет заработать гораздо больше...

«Диспут стальных перьев». Под карикатурой, опубликованной в сатирическом журнале «Гудок» в 1859 году, значилось: «Поспорят, пошумят – и разойдутся: иные в Лету, а другие в гору». Из фондов РНБ

– Как трансформировался курс «Санкт-Петербургских ведомостей» при арендаторах?

– Именно благодаря им газета стала живой и увлекательной. Успеха она достигла при трех из них – Амплии Очкине, Андрее Краевском и Валентине Корше.

Очкин, служивший цензором, увеличил объем издания, пригласил литераторов, ушел от сугубо официальных новостей, которыми до этого газета была переполнена. Ведь прежде обязательно печатались списки тех, кто «восприял православную веру», уехал и приехал в столицу, был награжден государственными наградами... Газета была полезной (в том числе последующим историкам, краоведам, генеалогам), но нечитабельной.

Кстати, при Очкине в ней печатался Достоевский. Он выступил с фельетонным циклом «Петербургская летопись» – это был прообраз знаменитого «Дневника писателя».

Начинания Очкина, при котором газета расширила свою тематическую направленность, продолжил Андрей Краевский. Он взял издание в аренду в 1852 году, дал ему титул «газета общественная и литературная». Привлек «пушкинский круг» – Вяземского, Одоевского, Сологуба. Современники считали, что именно с Краевского в России началась большая политическая журналистика.

Кроме того, именно при нем «Санкт-Петербургские ведомости» стали полигоном новаций для русской журналистики. Они первыми из русских газет завели собора за границей – для освещения лондонской Всемирной выставки. Впервые опубликовали политическую телеграмму из-за рубежа – с открытия палаты депутатов в Берлине. И пик тиража – 14 тысяч экземпляров – пришелся именно на 1850-е годы.

– При этом газета оставалась проправительственной?

– Да. Единственным, кто изменил курс, был Валентин Корш, который с 1862-го по 1874 год являлся ее арендатором и редактором. Тогда она стала очень живой, едкой, на ее страницах развивается фельетон – легкие тексты на общественно значимые, злободневные темы. Корш пригласил Алексея Суворина и Виктора Буренина, составивших в ту пору славу издания. Суворинские «Недельные очерки и картинки» были очень кусачие, оппозиционные. Именно из-за них Коршу отказали в дальнейшей аренде. Суворин как благородный человек пообещал платить ему пенсию и свое слово сдержал.

Впрочем, это все-таки нонсенс, когда правительственная газета, хоть и отданная в аренду частному лицу, становится оппозиционной. Впоследствии она «поправела», новые редакторы-арендаторы прибавляли ей то религиозности, то консерватизма. Однако такой популярности, как при Краевском и Корше, у нее уже не было.

С конца XIX века издание не менялось – ни по содержанию, ни по оформлению. Оно было ровным, нейтральным, что многим импонировало. И у него всегда оставался читатель, склонный к постоянству. В этом постоянстве читатели газеты видели своего рода отдушину в бурном водовороте начала XX века...

Сергей ГЛЕЗЕРОВ

Опубликовано 13.01.2016 в № 3 (5620) «Санкт-Петербургских ведомостей»

Каша в голове – это неплохо

Из истории нельзя делать инструмент политики

История – это политика, опрокинутая в прошлое. Ставшее ныне хрестоматийным выражение принадлежит известному советскому историку-марксисту Михаилу Покровскому. Действительно, российская история последних нескольких столетий чрезвычайно актуальна, поскольку в ней можно найти ответы на важнейшие вопросы современности и, самое главное, заглянуть в будущее. Ведь по большому счету в нашей истории все уже было, и она воспроизводится снова и снова, с новыми оттенками и нюансами. Поэтому понятно, когда жаркие дискуссии вызывают вопросы истории последнего столетия. Однако не менее бурные споры вызывают и события далекой древности, отстоящие от современности более чем на тысячу лет. О вопросах современного понимания истории мы беседуем с доктором исторических наук, членом-корреспондентом РАН, главным научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН Рафаилом ГАНЕЛИНЫМ.

– *Насколько, на ваш взгляд, Рафаил Шоломович, актуален проект исторических «круглых столов» в нашей редакции, участником одного из которых вы были?*

– Людям кажется, что они много знают о прошлом, потому что распространенность исторических знаний довольно широка. Но тем больше споров вызывает это прошлое. А дело все в том, что люди, занимающие сегодня разные политические позиции, имеют и разные представления о том, какой должна быть страна и как надо ею управлять. И все политики обращаются к историческому опыту, формируя собственные его интерпретации.

Любая государственная власть в России хочет, чтобы к ней относились не только с уважением, но и с почтением – ибо всякая власть от бога. Она власть, потому что она власть, и государственный – это тот, кто любую форму управления государством приемлет и поддерживает. А те, кто в этом сомневается, колеблют не только власть, но и государство. Всякая власть отождествляет себя с национальными интересами страны.

– *Всегда ли совпадают государственные и национальные интересы?*

– Государство всегда заинтересовано в прочности пребывания и сохранения у власти какой-то группы людей и с этим отождествляет государственные интересы. А национальные интересы страны очень часто этому противоречат. Возьмем в качестве примера выдающиеся колониальные империи прошлого – британскую, голландскую. Государственные интересы требовали сохранения огромных формаций, но этому противоречил национальный интерес голландцев или англичан.

От несовпадения государственного и национального интересов проистекает противоречивое восприятие истории. Теперь есть целая наука, которая называется «историческая память». Она занимается исследованием того, как последующие поколения интерпретировали предшествующую им историческую действительность. Это очень поучительно. Почему это сейчас приобретает особенную актуальность? Да потому, что канонической, утвержденной каким-либо государственным органом концепции исторического развития России сегодня не существует.

– *А она должна быть?*

– Сложный вопрос. На Западе, к примеру, нет государственной концепции исторического развития как таковой. Там учитель истории сам выбирает историческое пособие, учебник, который кажется ему наиболее подходящим тому, как он представляет себе взгляды и интересы детей.

У нас до революции был учебник Иловайского, считавшийся самым монархическим, верноподданическим, апологетическим, но наряду с этим в гимназиях преподавали историю и по другим учебникам. То есть была свобода выбора. Государство это разрешало.

Приведу пример. Недавно я занимался вопросом о Владимире Петровиче Потемкине, близком к Сталину человеке, одном из творцов советско-германского пакта 1939 года. До революции он был гимназическим учителем истории. Русский по национальности, он преподавал в Московском университете и гимназиях. И там вместе с Горьким и другими деятелями русской культуры Потемкин был пламенным борцом против черносотенства, совмещая это с довольно официальными позициями в преподавании. Такая биографическая подробность очень показательна: будучи с 1940 года министром просвещения, во время войны он пытался воссоздавать в советской школе гимназические нравы – раздельное обучение мальчиков и девочек и даже преподавание древних языков.

– *Существовала ли в советское время официальная концепция истории государства?*

– Да, но выстраивалась она с очень большим трудом, до середины 1930-х годов ее фактически не существовало. Регулирование преподавания истории даже при Сталине было достаточно разнообразным. Иосиф Виссарионович прямо не вмешивался в преподавание истории, и только в 1934 году он допустил несколько высказываний, далеких от пролетарского интернационализма, которые, правда, не были официально зафиксированы. «Русский народ всегда присоединял к себе другие народы, к этому приступил он и сейчас», – заявил тогда вождь. Это осталось записанным только одним из участников той встречи – профессором Пионтковским в его дневнике. Но в том же году вместе с Кировым и Ждановым Сталин подписал замечания на учебник по истории, в которых, в частности, требовалось усилить внимание к истории народов СССР.

Кстати, именно в 1934 году были организованы исторические факультеты. А во время войны, в 1944 году, в ЦК проходила многодневная дискуссия о направлениях развития исторической науки. Обозначились две позиции: национальная и интернационалистская. Сталин уклонился от высказывания своего мнения.

Государственная концепция истории, базировавшаяся на сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», была строгой, но вместе с тем оставляла целый ряд лазеек. Это вообще Сталину было присуще: так делалось, чтобы не заглушать полностью глас общественности, дабы была видимость второго мнения.

– *Что сегодня, на ваш взгляд, происходит с официальной исторической доктриной?*

– Она начинает создаваться, но, к сожалению, на очень древних религиозных основах. Я уважаю право людей на вероисповедание, но религиозная основа государственной мысли в XXI веке – это и архаизм, и анахронизм. Да, среди священников есть много просвещенных людей, и никто не умаляет роль православия в истории России. Но с позиций современного государства, на мой взгляд, религиозный путь построения исторической концепции малоэффективен.

Подобная концепция должна иметь большой плацдарм для маневра. А свободомыслие, совершенно необходимое для развития государства, трудносовместимо с наличием официальной государственной как исторической, так и экономической доктрины. Официализация мировоззрения приводит к стандартизации мышления, которая влечет за собой эмиграцию лучших умов. Люди ведь уезжают не только за материальными благами и карьерой, но еще и потому, что там они чувствуют себя более свободными: не надо следить за каждым своим словом – насколько оно соответствует тому, что вчера написали в газетах или сообщили по государственному телеканалу.

– *Не кажется ли вам, что частью складывающейся исторической доктрины является идеализация прошлого нашей страны – как советского, так и дореволюционного?*

– Действительно, попытки выстраивания концепции «идеального прошлого» есть. Очень хочется объяснить какие-либо наши исторические неудачи поисками внешних или внутрен-

них врагов России. Цель – подвести к мысли о том, что прежде в стране все было хорошо. Что, увы, не соответствует исторической правде. А состоит она в том, что в России долгие годы существовал устаревший государственный строй. Веками не было ни одного представительного народного учреждения, хотя потребность в этом назрела. И удосужились собрать Думу только в 1906 году, после того как страна запылала.

Мало того, министры-реформаторы (такие тоже были) считали большей напастью, нежели отсутствие парламента, невозможность сформировать нормальное (то есть функциональное) правительство. В ходе реформ середины XIX века был образован совет министров, но созываться и заседать он мог только под председательством царя. Александр II это делал, Александр III прекратил, а Николай II этого не делал до 1905 года. Почему? Между министрами бывают разногласия, значит, надо голосовать. И государь рискует оказаться на стороне меньшинства. Для монарха такое непристойно: это значит, что западный образ правления перемещается в зону абсолютной монархии.

– *Откуда же растут корни идеализации дореволюционной истории?*

– Возможно, из самой революции, которая в своих последствиях оказалась во многом бедствием для страны. Вот почему революция теперь воспринимается как пугало. Но есть и другая, сугубо утилитарная, причина: современная официальная доктрина исходит из того, что надо во что бы то ни стало избежать любых революционных потрясений. Лучше потерпеть – во имя стабильности.

– *Бытует мнение, что события прошлых времен нельзя оценивать с позиций сегодняшнего дня, что надо смотреть глазами современников. Вы согласны с этим?*

– На мой взгляд, смотреть на историю надо с позиции, как говорили во времена перестройки, общечеловеческих ценностей. Историк – в каком-то роде судья. Он имеет право рассматривать исторические события с позиций сегодняшнего времени. Но требовать от исторического персонажа умудренности событиями последующих лет нельзя. Персонаж того или иного времени должен оцениваться в контексте тех сведений, тех верований, того мировоззрения, которые были присущи его исторической эпохе.

Бывает, что мнение историка-исследователя совпадает с мнением наиболее проницательного из современников. Это высшая оценка достоверности исторического знания. Вот характерный пример: после присоединения Прибалтики маршал Советского Союза Борис Шапошников (до августа 1940 года – начальник Генерального штаба) был противником того, чтобы готовиться к войне на новых границах. Он считал, что надо строить прочную оборону на линии Сталина, построенной по старой границе. Уже в начале войны правота его слов стала очевидной. Военные между собой признавались: мол, Гитлер выманил нас на предполье и разбил. Так что судить задним числом иногда можно, особенно когда было мнение, истинность которого стала впоследствии очевидной.

– *Сегодня модно муссировать тему фальсификации истории. Идет ли речь о намеренном искажении фактов или проблема в малограмотности отдельных исследователей?*

– Причины фальсификации надо каждый раз искать в конкретном историческом событии. Когда советская наука впервые выдвинула тезис о фальсификаторах истории? После того как в 1948 году американцы нашли секретные протоколы, которые были приложением к советско-германскому пакту 1939 года, и опубликовали их. Потом советские историки долгие годы заявляли, что протоколов вообще нет, но во время перестройки они нашлись, причем в наших архивах. И тогда от обвинений в фальсификации ничего не осталось...

Конечно, и сейчас есть и злонамеренные, и от недостатка профессионализма идущие попытки создать ту историю, которую хотелось бы видеть. Когда несколько лет назад была основана пресловутая комиссия по борьбе с фальсификациями, то в самом ее названии был заложен некий абсурд: речь шла о борьбе с подтасовками «в ущерб интересам России». Иными словами, складывалось впечатление, что фальсификации в пользу интересов России допу-

стимы и приветствуются. Слава богу, что комиссия активно себя ничем не проявила, а сегодня и вовсе прекратила свое существование.

– *Насколько молодежь вовлечена сейчас в процесс исторического исследования?*

– Честно говоря, ситуация довольно плачевная. Аспирантура умирает, стипендия ничтожная. Более того, наши выдающиеся исследователи, доктора наук, каждое слово которых очень ценно в науке, вынуждены подрабатывать в качестве школьных учителей – настолько мала их зарплата. Увы, это относится не только к исторической науке, но и к другим отраслям знаний. И это притом что контакт ученых со школой – дело благое для обеих сторон, но без оглядки на оплату.

– *Традиционный вопрос: учат ли нас чему-то исторические уроки?*

– Можно сказать, история учит одному – конечно, тому, что она ничему не учит. Но на самом деле при нынешнем уровне развития исторических знаний и современных методах исторического исследования историков надо слушать. У меня впечатление, что даже у Сталина на переломных моментах появлялось понимание этой необходимости.

– *Но всех ли историков надо слушать, ведь в итоге у простых людей будет каша в голове?*

– Каша в голове – это не худо. Надо только уметь в этой каше разбираться самому. В первую очередь надо прислушиваться к бесспорным в нашей среде авторитетам. Кроме того, человек, который хочет чуть-чуть углубиться, пусть читает не только исторические сочинения, но и публикации источников. Язык документа на умного читателя производит такое впечатление, которое трудно преодолеть. Документ, отражая те обстоятельства, в которых он возник, читателю и исследователю голосами современников говорит о многом.

Подготовил Сергей ГЛЕЗЕРОВ

Опубликовано 14.12.2012 в № 243 (5266) «Санкт-Петербургских ведомостей»

Прошлое как идеал

Почему народы и страны ищут духовные ориентиры в минувших веках?

Уже третий год группа ученых нашего города при поддержке Российского научного фонда осуществляет научный проект «Мобилизованное Средневековье». Его цель – понять, как возникают мифологизированные представления о началах народов и государств, которые во многом формируют и дальнейший путь наций и стран. Участники команды – искусствоведы, лингвисты, музыковеды, историки, занимающиеся историей России, Польши, Украины, Белоруссии и Балканских государств. А источниками служат памятники истории и культуры (в том числе и массовой), разного рода ритуалы и символические акты.

Наши собеседники – руководитель проекта, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского госуниверситета Александр ФИЛЮШКИН и доктор исторических наук член-корреспондент РАН Алексей СИРЕНОВ.

– *Очень уж необычное название у проекта. Поясните, пожалуйста, кто кого и куда мобилизует?*

ФИЛЮШКИН:

– Речь идет о феномене, который историки называют «медиевализм». Не путать с медиевистикой! Медиевистика – это наука, изучающая Средневековье, а медиевализм – обращение к его идеалам и образам. Например, к рыцарской этике, романтическим подвигам, даже к костюмам и внешнему облику. А главное – к отношениям между людьми.

Английский историк Дэвид Лоуэнталь правильно заметил: «Кто недоволен настоящим – ищет утешения в прошлом». Так и Средневековье привлекает людей экологической чистотой: продукты и атмосфера не были отравлены, никто понятия не имел о СПИДе, а нравы людей были просты и естественны. В концепции медиевализма главенствует мысль, что долг, честь в эпоху Средневековья значили гораздо больше, чем нынче, поскольку люди еще не были испорчены «цивилизацией», соблюдали церковные заветы и уважали «базовые» человеческие ценности.

Надо заметить, что подобное представление о Средневековье возникло отнюдь не сейчас. Оно пышным цветом расцвело в Западной Европе – прежде всего в искусстве и литературе – в середине XIX века.

– *Идеализация, скорее всего, была далека от реальности?*

ФИЛЮШКИН:

– Конечно. Это было воспевание тех идеалов, к которым хотелось стремиться. Как известно, вспоминая прошлое, мы говорим о настоящем...

И у каждого свой «золотой век». Если в Западной Европе апеллировали к идеалам античности – культуре, праву, искусству, то в Восточной было сложнее найти свое «идеальное время». Ведь где искать? Естественно, не в «имперской» эпохе, когда славянские народы в период Нового времени (XVIII–XIX века) потеряли свою национальную независимость, оказавшись в составе Османской, Германской и Австро-Венгерской империй. Эти годы считались мрачным временем национального угнетения.

Поэтому, когда в конце XVIII века в Чехии, на Балканах началось движение так называемых славянских будителей, звавших к свободе, независимости, освобождению, они стали обращаться к временам Средневековья, когда существовали независимые славянские королевства. Мол, тогда мы были великие, свободные, у нас были перспективы: мы могли создать могучие государства...

Особняком стояла Прибалтика. Там утраченный идеал искали не в эпохе Средневековья, а еще глубже – в языческих временах. Тогда еще не было государственности, но племена жили свободно, без иноземного влияния. Недаром одним из героев был эстонский старейшина и вождь Лембиту, возглавивший в XIII веке борьбу против нашествия тевтонских рыцарей и ордена меченосцев.

Парадокс: сегодня в Прибалтике с удовольствием демонстрируют рыцарские замки как главные достопримечательности, одновременно – времена господства Ливонского ордена до сих пор являются не самыми приятными для исторической памяти. Хотя в свое время немцы для Прибалтики сделали очень много, переведя многие процессы в цивилизованное русло...

Кроме всего прочего, обращение к идеализированному Средневековью было еще и густо замешано на спорах между странами и народами – о героях, историческом наследии и территориях. Ведь особенность региона, который историки называют Центрально-Восточной Европой (в него входит и западная часть России), в том, что в нем очень сложно провести естественные границы, потому что на протяжении тысячелетия происходило их постоянное перекраивание: государства возникали, гибли, объединялись, распадались.

– В этом отношении в России ситуация совершенно иная, потому что она не входила в состав других империй...

ФИЛЮШКИН:

– Да, но значение Средневековья в восприятии русского общества неоднократно менялось. Как и само понятие о том, что такое Средневековье.

Нижняя временная граница европейского Средневековья – 476 год, падение Западной Римской империи, а верхняя – великие географические открытия и Реформация, то есть рубеж XV–XVI веков. Как известно, в России не было Реформации, не было Ренессанса, а наши великие географические открытия – это освоение Сибири в XVII веке.

Поскольку называть весь период с IX до XVII века Средневековьем как-то странно, ученые ввели понятие «раннего Нового времени», которое начинается в XVI веке и заканчивается в начале XVIII века, когда наступает Петровская эпоха. В нашем проекте мы подразумеваем под Средневековьем эпоху от Рюрика до Смутного времени, то есть с IX до начала XVII века.

Памятник основателям русской государственности Рюрику и Вещему Олегу, установленный в Старой Ладоге в 2015 году, – характерный пример медиевализма. Фото автора

– Давайте попробуем, начиная со времен Петра Великого, разобраться, как оценивалось прошлое...

ФИЛЮШКИН:

– В эпоху Петра I все, что было прежде, объявили затхлыми и застойными временами дремучей Московской Руси. И это делалось сознательно: тем самым Петр хотел подчеркнуть прогрессивность своего правления. Мол, мы ушли от того ужаса, который был, и строим настоящую европейскую державу, сильное современное государство.

Не правда ли, похоже на то противопоставление, которое было и в 1917 году? Большевики ничего не изобрели, они просто воспроизвели парадигму отрицания прошлого, существующую в российской истории...

В XVIII веке идеалами для общества и власти выступали европейские образы, в том числе античное наследие, переосмысленное западной культурой нового времени. Русский императорский двор хотел быть похожим на Версаль французского короля Людовика или Сан-Суси, резиденцию прусского короля Фридриха.

При Екатерине II на волне успехов Российской империи и национального подъема возникает понимание, что идеалы надо искать и в собственном прошлом – недаром императрица лично пишет придворные пьесы из русской истории. Например, про древнерусского князя Олега, который, по ее версии, основал Москву и завоевал Константинополь (что хорошо рифмовалось с «греческим проектом» матушки-государыни по продвижению России в Средиземноморье).

Попыткой внедрить медиевалистические образы можно назвать действия императора Павла I, который стал гроссмейстером рыцарского Мальтийского ордена и всячески пропагандировал в России рыцарские идеалы, хотя это был западный орден и западные рыцари.

Когда основывали Александро-Невскую лавру, выбирали сакральное место: полагали, что именно здесь Александр Невский разбил шведов... Фото Сергея Грицкова

Однако развитию русского медиевализма мешало то, что до «Истории государства Российского» Николая Карамзина в обществе о своем Средневековье мало знали. Действительно, он, по известному выражению Александра Пушкина, открыл русскому обществу его историю, как Колумб Америку.

СИРЕНОВ:

– Обращу внимание: но и Петр I из давней, средневековой, истории все-таки извлек нужные ему примеры, используя образы в политических целях. Он поднял на щит образ святого благоверного князя Александра Невского как защитника Северо-Запада от шведов.

ФИЛЮШКИН:

– И даже Александро-Невская лавра была заложена, как считалось, на том самом месте, где произошла Невская битва. Потом, когда стало понятно, что сражение случилось немного выше по Неве, было объявлено, что местоположение лавры все равно символично: она стоит там, где старейшина Пелгусий увидел приближение шведского войска. То есть все равно оно связано с Невской битвой.

СИРЕНОВ:

– Петр I несколько раз заказывал придворным ученым написать историю России. Результат его всякий раз не устраивал. Сохранилось несколько вариантов, написанных разными авторами непосредственно по заказу царя...

У нас нет сведений, чтобы к образам средневекового прошлого обращались Екатерина I, Петр II или Анна Иоанновна. А вот, например, при Елизавете Петровне на Украине были организованы поиски места погребения Бориса и Глеба – святых, которые особенно там почитались. При Екатерине II тоже предпринимались подобные действия.

ФИЛЮШКИН:

– Рост медиевализма в России наступает при Николае I, когда даже в архитектуре возникает знаменитый стиль, который называли по-разному: русский, византийский... Образцом для него выступали памятники древнерусской архитектуры. Развивается культ русской национальной истории. Возникает знаменитый спор западников и славянофилов, причем славянофилы в качестве идеалов, ориентиров пути развития страны называли явления допетровской, то есть средневековой, России: древнерусскую общину, отношения московских государей с «землей», то есть народом, через земские соборы.

СИРЕНОВ:

– А вот самый, наверное, яркий пример обращения к средневековым образам, поискам в них национальных идеалов – это эпоха последних Романовых. Незадолго до революции было основано Общество возрождения художественной Руси, в него были приглашены серьезные ученые из Петербурга и Москвы. Была даже построена маленькая «Древняя Русь» – Федоровский городок в Царском Селе. Идеализация фигуры царя, монархии подавалась через древнерусские формы. Это явное стремление использовать идеи медиевализма в русле политической пропаганды.

Кстати, именно в Федоровском городке оформилось поэтическое творчество Сергея Есенина. Вспомним его строки «Гой ты, Русь, моя родная, // Хаты – в ризах образа...». Призванный в армию во время Первой мировой войны, Есенин числился санитаром при госпитале, который устроили в Федоровском городке. И в числе прочих деятелей культуры был приглашен принять участие в этом «древнерусском» культурно-идеологическом проекте.

ФИЛЮШКИН:

– Еще одна тенденция: на рубеже XIX–XX веков государственная власть, используя образы и идеалы Средневековья, стала «маркировать» территорию Российской империи. Например, власти воздвигали памятники в честь 900-летия крещения Руси, причем не в центральных губерниях, а на национальных окраинах. Казахские степи, Галиция, Кавказ, Дальний Восток... А это значит – пытались расширить территорию империи в идеологическом смысле, продемонстрировать, что эти земли таким образом включаются в наше культурное пространство, относятся к общей русской истории.

– По сути, похожие процессы происходят и сегодня...

ФИЛЮШКИН:

– Да, судите сами: за XIX–XX века в Российской империи и СССР было поставлено всего несколько десятков памятников деятелям Средневековья. Среди героев – Юрий Долгорукий, Александр Невский, Дмитрий Донской. Зато за последние двадцать лет подобных монументов появилось... более четырехсот!

Причем опять-таки налицо тенденция «маркировки» общего культурно-государственного пространства: памятники Владимиру Крестителю, Кириллу и Мефодию, Илье Муромцу появляются во Владивостоке, Ханты-Мансийске, Нарьян-Маре, Калининграде... То есть в городах, исторически не связанных с этими персонажами. Но постановкой памятника героям средневековой Руси они как бы включаются в общее традиционное культурное пространство.

Не забудем также, что медиевализм был очень тесно связан не только с глобальными событиями, но и с локальной историей. Представим себе прозябающий уездный городок XIX века, в котором особых достижений нет, жизнь там описана классиками русской литературы. А хочется чем-то гордиться. Чем? Конечно же, блестящим прошлым, когда этот городок, возможно, был центром какого-то княжества, когда он, к примеру, остановил нашествие самого Батыя, когда под его стенами сражался Евпатий Коловрат!

Давайте вспомним, что до XIX века знание своего прошлого носило в России либо узко книжный характер, либо мифологический, легендарный. Научного представления не было. В 1813 году на волне патриотического подъема после Отечественной войны школьным учителям Российской империи было дано распоряжение искать на местах, где они работают, памятники

древности. Необходимо было создать представление о том, в чем вообще заключается русское прошлое.

Учителя с этой задачей не справились, и тогда в 1826 году вышел указ Николая I, возложивший «обязанность» искать памятники древности на Министерство внутренних дел. Именно оно должно было «привести в известность нашу историю». Из уездов отвечали: «У нас ничего нет». Замечательна фраза из одного документа: «У нас никаких древностей нет и быть не может». На местах просто испугались, что если признаются в наличии «древности», то за это будут наказаны – как за упущение по службе. Когда поняли, что, наоборот, за найденные древности могут похвалить, стали их искать массово, причем самые мифические. Вроде борозды Никиты Кожемяки или камня в псковском селе Будник, на котором, по преданию, родился князь Владимир.

И вот тогда начался бум краеведения. На местах возникают различные общества. Ко второй половине XIX века они уже создали общую картину памятников древности на территории России и активно занимались воссозданием образа русской древности. Местная героическая история приводит к возникновению локального патриотизма. Сейчас происходит очень похожее. Очень много памятников в «малых» городах ставят основателям, местным князьям...

– Но разве в этом есть что-то плохое?

СИРЕНОВ:

– А мы ни в коем случае не говорим, что это плохо, и стараемся вообще не давать оценок. Мы просто фиксируем явление. Беда может быть в том, что нередко локальные исторические события притягивают, как говорится, за уши, а иногда и просто выдумывают. Весьма характерный процесс – волна юбилеев старинных русских городов, иногда повторных, связанных с их «удревнением».

Например, в 1995 году был организован 1000-летний юбилей Белгорода. При этом факт фальсификации несомненен, поскольку существующий Белгород на Северском Донце был основан как крепость Засечной черты только в 1596 году и оказался всего лишь одноименным древнерусскому Белгороду (ныне село Белгородка под Киевом). Это обстоятельство не отрицалось ни историками, ни краеведами, ни церковными и общественными деятелями. Тем не менее 1000-летний юбилей был официально объявлен, профинансирован и отпразднован.

К этой же группе псевдоюбилеев, когда данные письменных источников, недостоверные или неверно истолкованные, противопоставляются всем другим свидетельствам, в том числе археологическим, относится казус Старой Руссы. Один из древнейших городов Руси, Русса известна по летописям с середины XII века, а по данным археологии, ее основание надежно датируется временем не позднее первой половины XI века. Однако группа местных энтузиастов отдает предпочтение не аутентичным свидетельствам XI–XII веков, а «Сказанию о Словене и Русе» – памятнику русской литературы XVII века. Автор «Сказания» сочинил легенды, в частности, об основании Руссы легендарным князем Русом, который жил... ранее Александра Македонского.

Эти литературные фантазии XVII века противопоставляются надежным свидетельствам источников XI–XII веков. В результате подобных «штудий» в центре Старой Руссы появился камень с цитатой из «Сказания» об основании города князем Русом...

Другой вопрос – с Курском. В 2012 году был отпразднован его 980-летний юбилей. Курск действительно существовал в домонгольское время. Помимо упоминания «курян» (жителей Курска) в «Слове о полку Игореве» Курск фигурирует в Житии Феодосия Печерского, и это вполне достоверное свидетельство существования поселения в XI веке, что подтверждают и данные археологии. Однако после татаро-монгольского нашествия Курск был razoren, опустел, и вторично на этом месте город был построен только в 1596 году при строительстве Засечной черты.

С этого времени, то есть с конца XVI века, прослеживается непрерывная история города Курска. Сводить вместе Курск домонгольский и Курск нынешний достаточно сомнительно, поэтому такой юбилей представляется недостаточно аргументированным.

Идет подмена понятий, и начинается это с общественности и краеведов, которые из благих побуждений сделать свой край более значимым, знаменитым и интересным для туристов соглашаются на исторические подтасовки.

ФИЛЮШКИН:

– В этом ни в коем случае нет злого умысла. Люди искренне стремятся приукрасить свою историю, считают, что так она будет интереснее и поучительнее. Но это не установление исторической истины, а ее изобретение, мифологизация. Мы же исходим из того, что историк должен стремиться к истине – это наше кредо. Однако подобные процессы очень интересны с точки зрения изучения общества, его настроений. Ведь обращение к древности означает, что люди ищут ответы на свои насущные вопросы не в нашем времени, а в прошлом.

Недаром в последнее время массовый характер приобрело движение реконструкторов. Это говорит о том, что, к примеру, сегодня человек сидит в офисе, а вечером берет муляж винтовки или рыцарского меча и, «перемещаясь» в прошлое, находит себя, получает то, чего у него нет в повседневной жизни, – какие-то недостающие ему эмоции, выражение своих мыслей и настроений...

Конечно, само по себе обращение к корням замечательно, это воспитывает общество, сплачивает нацию. Опасность в том, что любой социум должен быть все-таки ориентирован на будущее. Обратите внимание: сейчас у нас нет серьезных общественных дискуссий о будущем. Наоборот, сегодня мы активно спорим о прошлом, идут «войны памяти», общество расколото в оценке различных исторических событий.

Мы имеем, в общем-то, ситуацию, которая была в Российской империи в начале XX века, когда общественное мнение было в значительной степени опрокинуто в прошлое. Как я уже говорил, идеология царской власти в поисках идеала обращалась к прошлому – к временам Московской Руси. Устраивались костюмированные балы в одеждах XVII века, пышно отмечалось 300-летие восшествия на престол Романовых, произошедшее в 1613 году.

А кто победил в итоге? Большевики, у которых не было представления о том, что было хорошего в прошлом, но которые были целиком ориентированы на «светлое будущее».

Впрочем, и на Западе мало кто обещает безоблачное завтра. Обратите внимание, что нам предлагает фантастика: либо зомби-апокалипсис, либо «восстание машин», либо визит злобных пришельцев из космоса. Из научной фантастики исчез позитивный образ будущего. В 60-е, 70-е годы прошлого века он еще был, существовала вера в научно-технический прогресс. А сейчас ее нет, поэтому люди и ищут спасения в «светлом» прошлом.

– То есть «заикленность» на прошлом – это мировая тенденция?

ФИЛЮШКИН:

– Да. На Западе точно так же пыльным цветом расцветает историческая реконструкция, а также ориентированные на Средневековые общества поклонники «Властелина колец» Толкиена и Гарри Поттера.

Вообще история – такая вещь, которая приводит к самым неожиданным выводам. В XIX веке она развивалась как наука о происхождении наций, национальных государств. Сегодня же господствует мультикультурализм, отрицание национальных особенностей, сведение их на уровень этнографических достопримечательностей для туристов. Общий тренд – глобализация, построение в планетарном масштабе единого человеческого социума с одинаковыми ценностями и идеалами. А как писать новую историю глобального человечества, никто не знает. Люди теряются и ищут духовные ориентиры в простом, устоявшемся и всем понятном прошлом.

Когда мы начинали свой проект, я думал, что мы его завершим, указав в качестве образца американские национальные парки. В США их было открыто около шестидесяти, их задачей было «примирить» болезненные исторические сюжеты. То есть в одном парке устанавливали памятники всем участникам гражданской войны – и южанам, и северянам. И тут же ставили монумент условному пулеметчику Джону, который сражался во Вьетнаме на «неправедной войне» не по своей воле, но был честным солдатом, исполнявшим свой долг.

Эта воплощенная идея национального согласия казалась мне правильной. Однако дальше были выборы президента, на которых победил Дональд Трамп, и выяснилось, что эта историческая политика, казавшаяся успешной и образцовой, совершенно не работает. Война памяти не обошла стороной и США. В одних штатах оскверняли памятники южанам, в других – северянам... В людях проявились национальные комплексы, которые тщательно прятались под искусственными масками, надетыми массовой культурой.

Поэтому ответа на вопрос: «Как надо?» – у нас нет. Сегодня в России модно говорить об исторической политике, имея в виду при этом почему-то исключительно действия власти. Но ведь это не так: в России одновременно и параллельно существует не одна, а множество исторических политик. На умы пытаются влиять и Военно-историческое, и Вольное историческое общества. Существуют историко-культурные предпочтения, демонстрируемые реконструкторами, а есть трансляция исторических концепций через социальные сети. И все это порой совершенно разные взгляды, идеи... Не надо еще забывать, что Россия – многонациональная страна и трактовки истории в регионах могут очень сильно отличаться.

СИРЕНОВ:

– Наверное, это хорошо, что существует много точек зрения, но плохо, что между их сторонниками почти нет диалога.

Сергей ГЛЕЗЕРОВ

Опубликовано 17.10.2018 в № 193 (6302) «Санкт-Петербургских ведомостей»

Вдохнуть душу в прошлое

Помогает наука, которая до сих пор борется за свое признание

У Александра Радищева в его знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» можно встретить свидетельство, как он, поглощая кофе, страдал, что ему приходится пользоваться продуктом, добытым американскими невольниками. «Кофе, налитый в твоей чашке, и сахар, распушенный в оном, были причиною слез, стенаний, казни и поругания...». Сейчас мы пьем кофе и не испытываем угрызений совести... Почему у каждой эпохи свои духовные ценности, а у разных поколений меняются оценки одного и того же события? На эти и другие вопросы помогает ответить историческая психология.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.